**Г.С. Лапшина**, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: lapgal@pochta.ru

# "ВЕСТНИК ЕВРОПЫ" 1870-х гг.: ПРОГРАММА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

*Статья посвящена тому, как поставленная ныне задача модернизации России может быть соотнесена с опытом прошлого, когда в 1870-е гг. в стране осуществлялись реформы Александра II и печать активно участвовала в обсуждении их. Материалы либерального журнала "Вестник Европы" являются ценным историческим источником, отразившим сущность преобразовательных процессов, тип происходившей модернизации и отношение к ней прогрессивной интеллигенции, сторонников реформистского пути развития. Используя современную терминологию, можно утверждать: существуя в стране, где происходила модернизация догоняющего типа, оценивая революционный вариант как удачный опыт прошлого и объективно возможный в настоящем, публицисты журнала пытались способствовать развитию модернизации органичной.*

***Ключевые слова:*** *модернизация, реформы Александра II, конституционная монархия, парламентаризм, европейская цивилизация.*

*The article is devoted to the ways of correlating the actual problem of Russia's modernization with the past experience of Alexander's II reforms carried out in 1870-s when the press actively participated in public discussion of the reforms. Materials of liberal magazine "The Herald of Europe" are the valuable historical source reflecting the essence of transformations, the character of modernization and the connection between the process and progressive intellectuals who supported the reformist way of country's development. According to modern terminology it is possible to assert that, publicists of magazine tried to promote development of organic modernization as they lived in the country that followed a catching up type modernization and estimated the revolutionary option as a successful experience of the past that was possible in their times.*

***Key words:*** *modernization, Alexander's II reforms, constitutional monarchy, parliamentarianism, European civilization.*

Размышляя сегодня о проблемах и путях модернизации современной России, мы обязаны оглянуться на опыт прошлого, на те попытки прорыва, что были предприняты в том числе в ходе реформ 1860-х гг., на оценку усилий Александра II, данную представителями прогрессивной интеллигенции, а также на их собственную программу модернизации России, изложенную на страницах ведущего либерального журнала "Вестник Европы", основанного в 1866 г. М.М. Стасюлевичем. Современные социологи, соглашаясь, что не существует единой теории модернизации, представили на рассмотрение несколько ее типов: *классическая* модель — иногда

ее называют первичной, оригинальной, и *поздняя*, догоняющая, тяготеющая к западному образцу, построенная на вестернизации (некоторые исследователи пользуются термином "неомодернизационизм" циклического характера). Встречаются и такие обозначения типов развития, как тотальная модернизация, государственническая и программируемая. Нам представляется интересной классификация исторических типов модернизаций, данная в специальном выпуске "Всемирная история модернизации" журнала "Эксперт": модернизации революционные, органичные и догоняющие [с. 10] Весьма любопытны и размышления профессора социологии Северо-западного университета (Чикаго, США) Георгия Дерлугьяна о конкретных проявлениях этих типов в разных странах на разных этапах их развития в статье "Модерн и модернизаторы" [Эксперт, 2010, с. 20]. Автор статьи достаточно убедительно аргументирует свою мысль о том, что усилия Александра II модернизировать Россию были ориентированы более всего на германский тип, на "активную адаптацию в условиях вынужденного догоняющего развития при явной недоструктурированности рыночной среды" [там же, с. 21]. Но какова была позиция либеральных публицистов "Вестника Европы", "друзей-врагов" правительственных реформ, видящих — может быть, более чем сами реформаторы — степень экономического и политического отставания России, но мечтающих о более гибкой системе, когда государство становится "старшим партнером, а не командиром" [там же, с. 10]? Можем ли мы оценить их выступления как программу *модернизации органичной* или либеральные публицисты "Вестника Европы" все же не смогли выйти за рамки идей *модернизации догоняющей*? Допускали ли они *модернизацию революционную*?

Конечно, авторы журнала М.М. Стасюлевича отчетливо сознавали необходимость резкого толчка для того, чтобы сдвинуть Россию с проржавевших рельсов крепостничества, по которым невозможно было поспевать за убегавшей вперед Европой. Стремление догнать Запад отчетливо просматривается во всех материалах "Вестника Европы" 1870-х гг. В них проходит постоянное сопоставление экономики России, состояния образования, военной системы, самоуправления, гражданских свобод с успехами Запада, свидетельствуя о желании публицистов журнала способствовать движению России в сторону буржуазного прогресса, интеграции ее в европейский мир, которая жизненно необходима стране. «В то время когда Западная Европа, пользуясь быстрыми успехами естественной науки, лихорадочно спешила применить их к живой практической деятельности, развивая самыми разнообразными средствами полезные для промышленности знания во всех слоях населения, — писал В.И. Вешняков в статье "Русская промышленность и ее

нужды", — мы оставались целые десятки лет спокойными зрителями этого движения, как бы сознавая свое бессилие *догнать* быстро уходившую от нас вперед промышленность Европы, и довольствовались ограждением себя от конкуренции иноземных производств с помощью высоких тарифов или выпискою по баснословно дорогим ценам техники иностранной из-за границы, когда хотели поставить какое-нибудь фабричное дело на особенно хорошую ногу»[1]. Об этом стремлении идти в одном ряду со странами Европы ясно говорилось и в очерке "В гостях и дома": "Европа не будет нас ждать долго, а между тем внутри нас сидит весьма опасный враг: этот враг — наше невежество, наша отсталость, наше незнакомство с азбукой общественной и политической жизни, столь колоссальное незнакомство, что мы продолжаем упорно считать вредным многое из того, что на Западе считается бесспорно полезным"[2].

Вместе с тем стремление догнать Европу не означало, что все публицисты "Вестника..." в одинаковой степени считали ее настоящее идеальным, а вхождение России в мир европейской цивилизации — неким категорическим императивом. Об этом очень ясно сказал автор, скрывшийся за подписью А. Н-въ: "...мы вовсе не хотим сказать (как это обыкновенно истолковывают литературные староверы), что для нас европейские идеи были непременно обязательны или что западная Европа имела над нами всегдашнее превосходство"[3]. Журнал исходил из исторических реалий, из того, что мог предложить уже состоявшийся общечеловеческий опыт. Тот же автор писал: "Я не говорю, что цивилизация могла идти только этим путем, об этом я ничего не знаю; я говорю только, что этим путем она шла в действительности"[4]. На первом плане для публицистов "Вестника..." та линия в графике развития Европы, которая и может послужить некой вехой для движения России по пути реформ. Об этом размышлял Б.И. Утин в рецензии на книгу герцога Аргайля: "Если у различных народов, живших в современных особых исторических условиях, встречаются в общественном быту общие или, по крайней мере, аналогические явления, то можно заключить, что одни и те же причины вызывают эти явления и что причины эти коренятся в одной и той же общественной природе человека. С этой точки зрения, для констатирования какой бы то ни было общественной практики необходимо пользоваться сравнительным методом"[5]. И если сравнительный метод

[1] Вестник Европы. 1871. № 5. С. 128. Курсив мой. — *Г.Л.*
[2] Там же. 1870. № 10. С. 814.
[3] Там же. 1868. № 7. С. 362.
[4] Там же. № 5. С. 333.
[5] Там же. № 4. С. 823.

диктует необходимость некоторой подражательности для усвоения уже оправдавшего себя опыта умственного развития, как это было в эпоху реформ Петра I, то она является "совершенно неизбежной, единственно возможной и очень полезной для будущего направления умственной деятельности нашего общества"[6].

Европа для русских публицистов — это некий котел, где переплавлялся опыт многих народов и вырабатывалось то, что называется европейской цивилизацией, при этом "каждая из главных европейских наций в различные моменты и в различных отношениях занимала передовое место, и все более или менее подчинялись чужим влияниям, когда нужно было усвоить приобретения, сделанные людьми"[7]. В Европе происходит сближение культур, и это "приносит, конечно, громадную выгоду целому национальному развитию каждой отдельной нации, потому что оно несомненным образом расширяет умственный горизонт", в Европе происходит сближение цивилизаций: "железные дороги и телеграф не могут не оставить на европейской жизни глубокого следа в смысле этого сближения и солидарности"[8]. Но, высоко оценивая роль Европы в этом сближении народов, журналу было еще более важно подчеркнуть, что "смысл нашего влечения к умственным движениям Европы заключается в том, что мы, так или иначе, *вступили* на эту арену и *участвуем в этой взаимности*"[9].

Встает вопрос: размышляя об участии России в "этой взаимности" и о том вкладе в развитие человечества, который внесла каждая из главных европейских наций на определенном этапе, отдавали ли публицисты "Вестника..." предпочтение опыту какой-либо одной страны Запада? Л. Полонский напишет в 1878 г., что наши реформы — европейские: судебная — от Франции и Англии, земская — от Германии, военная — от Германии[10], однако это выглядит в контексте журнала более *желанием* видеть их таковыми, нежели констатацией реального соответствия содержания и хода российских реформ их европейским прототипам. Тем не менее это и *элемент сочувствия осуществлению правительством модернизации догоняющей*.

У разных авторов "Вестника..." симпатии вызывали разные страны. А.Н. Пыпин, Н.И. Утин (Аб. Семъ.) и Е.И. Утин явно симпатизировали Франции, особенно в период франко-прусской войны, революции и установления Третьей Республики; Л.А. Полонский и А. С-нъ предпочитали опыт Германии; система свобод и парламен-

[6] Там же. С.347.
[7] Там же. 1871. № 5. С. 243.
[8] Там же. 1868. № 7. С. 365, 367.
[9] Там же. С. 366. Курсив мой — *Г.Л.*
[10] Там же. 1878. № 1. С. 386.

таризм в Англии вызывали интерес и у Е.И. Утина, и Л.А. Полонского; на американский опыт традиционно ссылался Ю.А. Россель. При этом все большая ориентация на политическую составляющую жизни стран, которые нужно было догнать экономически, где государство было частью системы более гибкой, нежели авторитарная, характерная для модернизации догоняющей, осуществляемая в ходе подготовки и проведения александровских реформ, *придает программе либералов "Вестника Европы" черты модернизации органичной*.

Едва журнал получил возможность писать не только об исторических событиях прошлого, но и о современной политической жизни Европы, как сторонники Франции заявили, что эта страна, "под каким бы режимом она ни жила, остается Францией, т.е. передовой страной европейской цивилизации"[11], что Франция ни при каких обстоятельствах "не способна примириться с деспотическим правительством"[12]; это нация, которая "произвела громадный переворот в своей внутренней жизни и, уничтожив в ней средневековые традиции, стала впереди Европы, еще погруженной в эти традиции"[13]; она "научила Европу равенству всех перед законом" и "провозгласила начала верховной власти народа"[14]. Самое главное для сторонников опыта Франции — способность ее к движению. Еще до начала революционных событий в Париже Евг. Утин писал: "Грустно, конечно, встретить на ее престоле Наполеона III", но "если во Франции не установился до сих пор прочный политический порядок, основанный на разумной свободе, то тем не менее она не перестает за него бороться и не выпускает из своих рук знамени, завещанного великим историческим переворотом конца XVIII столетия"[15].

Очень подробно осветил "Вестник Европы" события во Франции 1870—1871 гг., проводя мысль о том, что всю мощь своего национального гения она вложила в идеалы свободы. Более всего об этом писали братья одного из основателей "Вестника Европы" отставного профессора Бориса Исааковича Утина: русский адвокат и публицист Евгений Утин и возглавлявший русскую секцию I Интернационала эмигрант Николай Утин.

В цикле очерков "Франция и французы после войны" (они были потом подготовлены для издания отдельной книгой, но запрещены цензурой) Е.И. Утин показал, что игнорирование движения по пути свободного экономического и политического развития, говоря современным языком — по пути модернизации органич-

[11] Там же. 1868. № 2. С. 753.
[12] Там же. 1869. № 9. С. 367.
[13] Там же. 1870. № 6. С. 650.
[14] Там же. № 8. С. 821.
[15] Там же. С. 839.

ной, приведет к модернизации революционной: “Глупы те, которые не слышат уже тех громовых раскатов, которые предшествуют разрушениям в конце старого, построенного на неправде мира. Во Франции эти громовые раскаты зовут революциями”. Эти слова были особо выделены в докладе цензора на заседании Совета Главного управления по делам печати[16].

Утин симпатизировал революционерам Парижа как истинным патриотам в противовес членам Национального собрания, говоря, что оно состоит из людей, которым чужды интересы страны и судьба народа, и многие во Франции называют его предателями страны, палачами республики[17]. Он осудил политику главы исполнительной власти Л.-А. Тьера, обвинил его в разжигании гражданской войны: “Междуусобная война преступна, но ведь первый непосредственный повод к ней дал *правительственный* генерал Фарон, когда он, без всяких разговоров, ночью явился со своими солдатами на Монмартр, чтобы отнять орудия, расставленные там национальной гвардией”[18]. Он не мог скрыть своего уважения к тем, кто до последнего сражался в Париже за свободу, но был объектом клеветы охранителей: «Что парижские коммонеры все поголовно сумасброды и разбойники — это такой взгляд, который может годиться для “Московских ведомостей”, но никак не удовлетворит здравый, непредубежденный ум, ищущий прежде всего отдать себе отчет в истинном положении вещей»[19]. Для Евгения Утина коммунары — это люди преданные до конца своим идеям, готовые погибнуть за них, но обреченные.

О событиях Парижской Коммуны говорилось и в “Швейцарских письмах”, которые Николай Утин подписывал “Аб. Семъ”. Отношение Н.И. Утина к этим событиям не просто объективное и заинтересованное, оно открыто сочувственное. Для Н.И. Утина было важно оттенить социальный смысл Коммуны, который ему понятен и симпатичен, и жизнеспособность ее как некой государственной формы[20].

---

[16] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 135.

[17] Вестник Европы. 1871. № 5. С. 348.

[18] Там же. С. 431, 435. Курсив мой. — *Г.Л.*

[19] Там же. С. 431

[20] Мысли о иной форме государства в лице Коммуны были и у Е. Утина. Он изложил их, цитируя мнение автора статьи из газеты “Daily News”: “Сущность их программы довольно справедлива и обнаруживает смелую государственную мысль”, “Франция должна сделаться союзом больших городов. Большие свободные города не нуждаются в монархии”. И добавлял от себя, что “мужицкое” большинство во Франции дало свой голос Наполеону III, вследствие чего Европа облилась кровью: война Франции и Пруссии была решена “мужицким большинством” (Вестник Европы. 1871. № 5. С. 433, 434. Речь шла о том, что всеобщие выборы, когда большинство голосов оказалось у крестьянских районов, привели к власти Наполеона III).

Он писал, что Париж напрягает "все усилия, чтобы жить своей нормальной жизнью. Газеты печатаются и расходятся в сотнях тысяч экземпляров, книги печатаются и продаются. В College de France читаются лекции; в большом цирке, перекрещенном из Imperial в National, идут знаменитые популярные концерты классической музыки"[21]. Н. Утин надеялся, в отличие от своего брата, ощущавшего обреченность Коммуны, на победу ее дела: "...великий народ 89-го года, разрушивший Бастилию и ниспровергнувший трон, будет ли он ожидать в бездействии и отчаянии... Нет! население Парижа никогда не захочет подвергаться позору. Оно знает, что есть время, что решительные меры дадут *рабочим* возможность жить и сражаться. Всеобщая реквизиция, бесплатная раздача пищи, нападение на врага всей массою" — залог этому[22].

Как соотносились подобные публикации в "Вестнике Европы" с его общей либеральной программой? Что заставляло М.М. Стасюлевича — кроме его честности и академической объективности — представлять читателю очерки и обозрения, полные интереса к революционным событиям и даже сочувствия им? Конечно, редактор журнала помещал эти материалы не потому, что он революционер, а несмотря на то, что он не революционер. Подобные выступления — *предостережение российской власти, своего рода урок* ей. В статье "Старая и новая Франция", говоря о значении Великой французской революции (ее значение в "целом сонме ее светлых представителей, одаренных стойкостью свободных убеждений, смелостью проповеди этого убеждения и готовностью жертвы за осуществление народного блага"), о влиянии ее идей на все страны ("...революция носила в себе действительно всемирный характер и не могла пройти бесследно ни для одной нации"; это "продукт всей культуры, всей исторической цивилизации", и "этим объясняется универсальность ее идей и универсальное влияние революции, порожденной ими"), — автор писал и о причинах, ее породивших: "...Если б старый режим — его полновластные представители — приняли вовремя *реформы*, предложенные им представителями прогресса, то человечество было бы избавлено от отчаянной бури, не улегшейся до сих пор. ...Старый режим не уступил — мы обязаны признать в этом его полную несостоятельность и понять, что *история не могла идти иным путем и прогресс не мог торжествовать иначе*"[23]. Профессор Московского университета историк В.И. Герье в статье "Ипполит Тэн как историк Франции" высказался еще более четко: "...революционный характер французской демократии обусловливается тем, что ей пришлось осуществлять

[21] Вестник Европы. 1871. № 1. С. 427.
[22] Там же. № 2. С.861. Курсив мой. — *Г.Л.*
[23] Там же. № 3. С.18, 19, 40—41, 42. Курсив мой. — *Г.Л.*

те мирные экономические и гражданские реформы, которые лежали на обязанности прежнего правительства”[24]. Таким образом, можно с достаточным основанием говорить о том, что публицисты “Вестника Европы” *видели — капитализм стал результатом модернизации революционной*. Вместе с тем они всеми силами хотели избежать такого пути для России, ориентируя императора-реформатора на превращение модернизации догоняющей (идеальный вариант этого типа для них воплощался в реформах Петра I) в модернизацию органичную. Возвращаясь к событиям в Париже июля 1830 г., “Вестник Европы” утверждал: “Июльская монархия не погибла бы, если бы не отступила от своей строго конституционной программы и если бы неутомимо продолжала прислушиваться к общественным требованиям”[25].

Желание преподать властям урок на примере европейского политического опыта возмущало цензуру, хотя ее чиновники и понимали — речь идет о стремлении “предохранить страну от революции”[26]. Это стремление превалирует в размышлениях публицистов “Вестника Европы” и о ходе реформ в России, и об аналогичных процессах на Западе, и прежде всего в Германии и Англии.

Германия привлекла внимание автора очерка “В гостях и дома” как “страна постепенного прогресса”[27], поэтому здесь “все лучше: учреждения, промышленность, торговля, финансы, народное просвещение и прочее”. Едва ли, писал А. С-нъ, можно “назвать какую-нибудь отрасль народной жизни.., которой бы нам не пришлось завидовать”[28]. По мнению автора, это страна истинного либерализма, который “основан на сознательном отношении ко всем вопросам политическим, юридическим, религиозным”[29]. Так же восторженно говорил о германской империи и Л. Полонский, о том, как в 1849 г. всегерманский парламент провозгласил “основные права германского народа”, которые остаются его требованиями (и мечтой публицистов “Вестника Европы”): полная свобода печати, право сходки, собраний граждан, свобода совести, всенародное прямое избирательство, свобода ремесла и места промысла, неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, отмена смертной казни, введение суда присяжных, самостоятельного общественного самоуправления[30]. Именно в это время победившая во франко-прусской войне Германия была важна российским публицистам, ратовавшим за проведение военной реформы, и как

[24] Там же. 1878. № 12. С. 578.
[25] Там же. 1869. № 9. С. 371.
[26] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 158 об.
[27] Вестник Европы. 1870. № 10. С. 808.
[28] Там же. С. 806.
[29] Там же. С. 810.
[30] Там же. 1871. № 3. С. 227.

страна с всеобщей воинской повинностью. Но ведь германский тип модернизации тяготеет к догоняющему. Означает ли это, что внутренний обозреватель журнала ратует за него?

Была и еще одна очень важная причина, заставлявшая либеральный "Вестник Европы" вглядываться в реалии этой страны. Ориентировавшиеся на европейский опыт, на путь свободного капиталистического предпринимательства авторы журнала видели и ту опасность, которую несет этот путь, — рабочий вопрос со всеми составляющими его проблемами, в том числе со "стремлением рабочих классов... ослабить по возможности и даже окончательно уничтожить... неравенство, создаваемое господством капитала"[31]. И здесь опыт Германии, где в это время в развивающемся рабочем движении явно обозначились социалистические идеи, представлялся публицистам журнала весьма знаменательным, так как они не закрывали глаза на рост и развитие рабочего сословия в собственной стране и не считали, в отличие от народнических публицистов, панацеей возвращение пролетария к земле.

В журнале появлялись самые разные материалы на эту тему. Яркие картины из быта русского рабочего были представлены в очерке "русской фабричной жизни", который поместил в "Вестнике Европы" писатель и этнограф Ф.Д. Нефедов, печатавшийся и в демократической "Неделе"[32]. Об ужасных условиях, в которых трудятся рабочие, о невыносимом труде их рассказывал врач и публицист, бывший редактор демократического журнала "Архив судебной медицины и общественной гигиены" С.П. Ловцов в статье "Профессиональная и промышленная гигиена"[33]. Об этом же писал и А. Крылов в очерке "Железная промышленность в Замосковском крае"[34]. Автор одного из судебных обозрений, свидетельствуя, что зимой увеличивается количество мелких преступлений в среде бедняков, желающих попасть в тюрьму, цитировал слова Роберта Оуэна из работы "Об образовании человеческого характера" о том, что изменить человека можно только "посредством улучшения материального быта масс", и подчеркивал: "Этот немой, но выразительный *протест* пролетариата против сытого и обеспеченного общества, вызывает, конечно, *на размышления*"[35].

В этих "размышлениях" о "рабочем вопросе" присутствовало желание опереться на опыт Европы, Англии и — более всего — Германии, хотя российские реалии, что хорошо видели публицисты, были очень далеки от европейских, да и на Западе проблемы пролетариата были еще отнюдь не решены.

---

[31] Там же. 1868. № 3. С. 455.
[32] Там же. 1871. № 3
[33] Там же. 1876. № 2.
[34] Там же. 1877. № 2.
[35] Там же. 1868. № 3. С. 405, 366. Курсив мой. — *Г.Л.*

О “нравственной обязанности” государства “заботиться об ограждении рабочего класса от эксплуатации фабрикантов” писал вице-президент Вольного экономического общества В.И. Вешняков. Эта обязанность должна выразиться в “издании *законов*, определяющих отношения между хозяевами и рабочими, ограничивающих работу малолетних детей и женщин на фабриках, уменьшающих опасность как для рабочих, так и для окрестного населения от работы машин, действующих паром, и вообще от заведений, сопряженных с опасностью для здоровья, *не стесняя, однако, при этом свободу промышленности*”[36]. Мысль об издании законов, определяющих взаимоотношения труда и капитала, была несомненно своевременна и прогрессивна для России, где в этой области, в отличие от Европы, царил полный произвол и та самая “нестесненная свобода промышленности” (в этом смысле в словах Вешнякова было и некое лукавство, поскольку такая “свобода” могла пониматься весьма широко и многозначно, в том числе при определении отношений предпринимателя и рабочего). Такие законы появятся в России только к середине 1880-х гг.

Отстаивая необходимость законодательства о труде, В.И. Вешняков видел путь к решению рабочего вопроса и в просвещении “четвертого сословия”: “Если рабочее сословие, как фабричное, так и кустарное, находится у нас вообще в неудовлетворительном положении, то *главная причина* этого заключается, без сомнения, в низком уровне его умственного развития. При *большей* степени образования оно *всегда* могло бы рассчитывать и на лучшую материальную обстановку, и на *скорейший* переход от положения простого работника к положению мастера и, наконец, *к положению хозяина*”[37]. При всей идилличности картины, нарисованной автором, мысль о необходимости образования для людей труда была, конечно, плодотворной для России, если бы она при этом стала выполнимой. Вешняков писал, что “обучение грамотности взрослых рабочих есть явление исключительное, ненормальное, и может быть оправдываемо лишь продолжительным застоем народного умственного развития, хотя и не следует его отвергать или считать бесполезным”, “учить грамоте следует в детском возрасте, и обязательно”. Взгляд автора статьи “Русская промышленность и ее нужды” — взгляд предпринимателя, которому нужна хорошо отлаженная, не дающая сбоев (в виде стачек) рабочая машина. Его не только не смущает детский труд на фабриках или заводах, он даже определяет возраст, с которого, по его мнению, может работать ребенок — 11 лет, главное, чтобы он пришел грамотным (“дети должны с 8 лет учиться

[36] Там же. 1871. № 5. С. 158. Курсив мой. — *Г.Л.*

[37] Там же. С. 114. Курсив мой. — *Г.Л.*

в школе при фабрике или заводе"), а потом еще два года посещать раз в неделю школу[38].

Откровенный взгляд на рабочего как на некое орудие высказал экономист Ю.Г. Жуковский (бывший сотрудник "Современника", не приглашенный Н. Некрасовым в "Отечественные записки") в статье-рецензии на I том "Капитала" К. Маркса — "Карл Маркс и его книга о капитале". Определяя смысл книги как "апологию права рабочего на прибыль", Жуковский писал, что "защита Марксом рабочего вопроса лишена прочного основания", ибо "работник не создает той прибыли, в которой его хозяин хочет сделаться соучастником.., он не более как *орудие* в руках знания и организации труда"[39].

Либеральные публицисты "Вестника Европы", ищущие возможности в ходе преобразований "сбалансировать" интересы труда и капитала на путях законодательства, просвещения, повышения благосостояния пролетариата, чувствовали и определенную зыбкость своей позиции — не только в России, где многие из этих постулатов были еще очень далеки от воплощения в жизнь, но и в Европе, где даже "самые благонамеренные законы... в состоянии были отвратить только крайнее зло безмерной, истощающей работы на фабриках"[40] и где "социальный вопрос снова подымался со всех сторон"[41].

Ситуация в рабочем движении Германии давала публицистам "Вестника Европы" широкую возможность высказаться по этой проблеме и более всего поговорить о том, как *избежать социального взрыва*. Берлинский корреспондент журнала обращал внимание на то, что "рабочие все лучше и лучше понимают, какая могущественная сила заключается в ассоциации"[42], и, словно продолжая его размышления, автор очерка "В гостях и дома" писал, что будущее не за Францией и даже не за Англией, а за Германией, потому что здесь развиваются производительные ассоциации, которых в России боятся, считая их средством революции, тогда как они могущественное средство против революции[43].

Исходя из этих соображений журнал М. Стасюлевича ознакомил российскую интеллигенцию с деятельностью немецкой социал-демократии и с той полемикой, которая шла между сторонниками идей создателя Всеобщего германского рабочего союза социалиста Ф. Лассаля (возглавлял Союз до своей безвременной

[38] Вестник Европы. 1871. № 5. С. 147.
[39] Там же. 1877. № 9. С. 88, 97. Курсив мой. — *Г.Л.*
[40] Там же. 1868. № 4. С. 823.
[41] Там же. № 6. С. 838.
[42] Там же. № 3. С. 454.
[43] Там же. 1870. № 10. С. 826—829.

смерти в 1864 г.) и инициатора кооперативного движения Г. Шульце-Делича.

Столь же честная, объективная информация была представлена читателю журнала об успехе социал-демократической партии на выборах: "Три года сряду... работали социал-демократы с удивительной выдержкой и неподражаемым искусством над своей организацией и пропагандой новых идей. Подобного способа действий можно было ожидать только от партии, которая поддерживается *могучими современными идеями* и которая со строжайшей дисциплиной соединяет полную *готовность к самопожертвованию*"[44]. Вывод берлинского корреспондента был однозначным: подавить ее силой нельзя. Успех социалистов на всеобщих выборах, введение которых было частью программы либералов из "Вестника Европы", заставлял его публицистов пристально всматриваться в причины этого успеха. Они не только в том, что программа социалистов построена на идеях, созвучных требованиям времени, и поэтому "социально-демократическая партия в Германии в самом деле есть действующая политическая партия", но это "единственная партия решительной оппозиции, не поддающейся на компромисс", сила ее в том, что за нее голосует полмиллиона человек, и это связано "*с неудовлетворенностью экономическим бытом рабочих*". Может быть, писал Л. Полонский, ее программа неосуществима, но преступного в ее программе об ассоциациях ничего нет[45]. Мысль о связи успехов социалистов с "неудовлетворенностью экономическим бытом рабочих" (кн. А. Васильчиков напишет в "Письме в редакцию": "Да, я согласен с социальными демократами, что европейские рабочие классы выставляют справедливые требования"[46]) ключевая при объективном изложении ситуации в политической жизни Германии, именно эта мысль и являлась предостерегающим уроком для российских властей.

Однако, решаясь рассказать о социалистическом движении в Германии с целью предупредить развитие подобных идей в России, "Вестник Европы" играл с огнем, ибо подобная информация могла быть истолкована как "оправдание стремлений социал-демократии" и считана "проницательным" читателем совсем с другими выводами. Насторожившийся цензор сразу обратил на это внимание, сообщая на заседании комитета: описание социал-демократии таково, "что читателю могут показаться желательным и полезным стремления к социальной демократии"[47].

---

[44] Там же. 1877. № 2. С. 853. Курсив мой. — *Г.Л.*

[45] Там же. 1878. № 12. С. 433, 434. Курсив мой. — *Г.Л.*

[46] Там же. № 2. С. 779.

[47] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 49, 51.

Тем не менее стремление найти пути к социальной гармонии в развивающемся мире, основанном на свободе предпринимательства и конкуренции, за которую ратовали публицисты "Вестника Европы", было для них движущим побуждением при информировании читателя о событиях в странах Запада. Своеобразным "ответом" на вопросы, поставленные "коммонерами" Франции и социал-демократами Германии, стали материалы о политическом опыте Англии.

Сама экономическая составляющая программы модернизации была у публицистов журнала основана на английской политэкономии, о чем заявлено уже в первых номерах "Вестника..." 1868 г.: "Между тем как Германия глубоко утопала в цеховых притеснениях, в Англии появился знаменитый труд Смита, установивший науку политической экономии на новых началах, сущность которых верна и в настоящее время. Государственной опеке сочинение Смита противопоставило промышленную свободу, свободу соперничества"[48]. Столь же важна для публицистов журнала была и политическая система в Англии. Л. Полонский, разбирая романы британского писателя-реалиста А. Троллопа, обращался к жизни английского общества после парламентской реформы 1823 г., которая, по его мнению, сильно "изменила и склад общества, и законы, и финансовую систему, и систему внешней политики", "сильно сдвинула английское общество вперед и в смысле демократизации его". Полонский высоко оценивал парламентскую реформу за то, что она "нанесла удар исключительному преобладанию родовой аристократии", и "аристократы уступили свое господство богатой буржуазии, мануфактуристам, торговцам, банкирам"; верхние 10 тысяч превратились в верхние 100 тысяч[49]. Но, высказываясь в полукрепостнической России как откровенный "манчестерец", Л. Полонский не забывал о главном — революционном опыте Франции и социалистах Германии, чего следовало избежать. Поэтому он не был склонен идеализировать парламентскую систему как таковую: "Мы вовсе *не намерены* в этих очерках англофильствовать или вообще проводить мысль, что при парламентской системе правления люди, сословия, партии одарены сверхъестественными условиями *безусловного бескорыстия и безусловной справедливости*. Система эта дает стране только то *безусловное преимущество*, что при ней, при этой системе условия государственной жизни, учреждения, законы становятся *подвижными, развиваются*, *идут вперед* по мере развития сознательной жизни в большей и большей массе народа"[50]. Такое движение возможно, говорилось в большой — на

[48] Вестник Европы. 1868. № 6. С. 837.
[49] Там же. 1870. № 8. С. 618.
[50] Там же. № 10. С. 667. Курсив мой. — *Г.Л.*

несколько номеров 1874 г. — статье "Джон Стюарт Милль и его школа", только если в обществе существует свобода, "не допускающая составления никаких неподвижных систем, свобода, все раскрывающая во имя интересов истины, и свобода, все дозволяющая в пределах *общей пользы* и полного развития *личности*"[51].

Идея движения, свободы в развитии не только экономики, но и политической системы — всегда была неприемлема для русской цензуры. Ее крайне возмутило, что Е. Утин в статье "Англия в книге г. Тэна" посмел высказать свои "личные взгляды в смысле явного сочувствия к свободным учреждениям Англии"[52]. Особенно неприемлемым для российской администрации оказалось то, что Е. Утин "обращается к *конституционному* устройству Англии, восхваляет ее учреждения, способные предохранить страну от революции и всеподавляющей реакции"[53]. Трудно сказать, что казалось для цензуры большей дерзостью со стороны Е. Утина: намек на необходимость спасти Россию от административной реакции или на возможность революции. Как бы то ни было, недопустимо, по мнению "куратора" "Вестника...", одно — стремление журнала проявить "себя исключительным сторонником свободных конституционных учреждений"[54]. Вместе с тем публицисты "Вестника Европы" искали в политической жизни Англии и рецепты для решения рабочего вопроса, альтернативы социалистической идее производительных ассоциаций, такую альтернативу они видели в тред-юнионах, профессиональных союзах, которые появились в Англии. Б.И. Утин в рецензии на книгу герцога Аргайля писал: "Положительным же улучшением своего быта рабочие классы обязаны своим промышленным союзам (trades-unions), которые, каковы бы ни были опасения, возбуждаемые ими в Англии, именно в настоящее время подняли материальный и умственный уровень этих классов"[55].

Английская составляющая — важнейшая в том либеральном идеале, в том типе модернизации, который, обсуждая реформы Александра II, отстаивали публицисты "Вестника Европы". Только «строгий непоколебимый конституционализм, — писал Е. Утин в статье "Англия в книге Тэна", — один мог дать нам материальное и нравственное благосостояние»[56].

*Конституционная монархия в России для участников журнала предпочтительнее республики, хотя в принципе республиканское*

---

[51] Там же. 1874. № 10. С. 661. Курсив мой. — *Г.Л.*
[52] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 157.
[53] Там же. Л. 158 об—159. Курсив мой. — *Г.Л.*
[54] Там же. Л. 159.
[55] Вестник Европы. 1868. № 4. С. 823.
[56] Там же. 1872. № 9. С. 126.

*устройство их не раздражало — в других странах.* Ю. Россель высказал это абсолютно открыто: "...вообще, в большей части образованного мира привыкли считать республику за высшую культурную форму человеческого развития"[57]. В журнале отдали должное "могуществу федеральной республики" в Америке[58]; "образцовой, равноправной нацией" была названа республиканская Швейцария, именно эта оценка особенно возмутила цензуру, — очевидно, потому, что Америка была далеко, а Швейцария совсем рядом с Россией[59].

Для самодержавной администрации и идея конституционного устройства России была совершенно неприемлема. Любой намек на него фиксировался цензорами. Утверждение Л. Полонского в новогоднем внутреннем обозрении за 1878 г., что Россия принадлежит к европейской культуре, было истолковано — и справедливо — в цензурном комитете как мысль о необходимости России развиваться "в европейском смысле, т.е. в конституционной форме народного представительства"[60]. Автор сообщения в Главное управление по делам печати счел нескромными размышления журнала о коренных изменениях в государственной системе, "прямо ведущих к представительному правлению" и "клонящих к коренному изменению наших основных законов"[61].

Для редакторов и авторов журнала путь к модернизации лежал через либерализм, который для них был "целой системой свободы, а свобода в общественном устройстве есть равенство прав; свобода во всех отраслях предприимчивости есть отсутствие монополии, вольная конкуренция"[62]. Цель реформистской программы "Вестника Европы", стремившейся обуздать деспотизм, авторитаризм самодержавного государства, — *создание среднего класса*, это создание не может быть искусственным (читай — революционным?); в западной Европе, говорилось в журнале, "среднее сословие явилось результатом более широкого развития политической жизни"[63], под которым в "Вестнике..." понимали прежде всего гласное судопроизводство, присяжных и свободу печати, т.е. все то, что, по мнению публицистов, и должны были бы ввести в российскую действительность александровские реформы и без чего в стране жить опаснее, чем "в пустыне, наполненной дикими зверями"[64].

---

[57] Там же. 1877. № 6. С. 827.
[58] Там же. 1869. № 9. С. 793.
[59] РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 147.
[60] Там же. Д. 87. Л. 35.
[61] Там же. Л. 87.
[62] Вестник Европы. 1868. № 3. С. 427.
[63] Там же. 1880. № 4. С. 866.
[64] Там же. 1870. № 7. С. 293.

Защищая свои либеральные ценности, свое понимание модернизации — более всего на примере Европы, журнал открыто высказывал свое неприятие консерватизма, который, как писал Е.И. Утин в статье "Англия в книге г. Тэна", "возмущается тем духом свободного исследования, который проник в жизнь Западной Европы, он кричит: Европа в огне, она обуреваема революциями! Ему ненавистны даже все великие приобретения науки, на которые он смотрит как на исчадия ада; он требует, чтобы... вернуться к тому блаженному, счастливому времени, когда не было и речи ни о свободе совести, ни о свободе печати, ни о личной свободе, когда никто не заботился о материальном и нравственном благосостоянии народных масс и когда эти последние были так неразвиты, так глупы и так загнаны, что не помышляли вовсе иной жизни, чем той, которая ... так близко походила на жизнь диких зверей". Автор статьи прямо связывает консерватизм с крепостничеством, говоря, что это люди, "которые с умилением вспоминают о том времени.., когда народ был закрепощен.., которые мечтают о том, чтобы заставить пресмыкаться народ в невежестве, вырвать с корнем стремление к равноправности всех граждан"[65]. Е. Утин противопоставлял либерализм и идеям демократов-социалистов, потому что они — вечные мечтатели, их идеи очень далеки от осуществления, и "могут пройти много поколений, прежде чем они в состоянии будут увидеть простым глазом свою обетованную землю"[66].

*Сопоставляя свой идеал преобразования России с содержанием и ходом александровских реформ*, публицисты "Вестника..." сформулировали и некую программу-минимум, которая, как им казалось, имеет практические основания для осуществления. Опыт первого десятилетия после введения "Положений" 19 февраля сподвиг внутреннего обозревателя журнала на опубликование такой программы: "Внутреннее благосостояние нашей страны, способствование развитию народного довольства, материального и умственного, разумная экономия для облегчения доли нашего крестьянского сословия, несущего на себе тяжелые повинности, развитие общественного контрольного участия в наших общих делах; осуществление благоприятных условий общественной инициативы; расширение возможностей и путей для более широкого обмена продуктов и мыслей между всеми частями широко раскинувшегося населения; удовлетворение всем справедливым требованиям своеобразности отдельных частей империи"[67].

К какому же типу модернизации ближе программа "Вестника Европы"? Очевидно, что принимая революционный вариант мо-

[65] Там же. 1872. № 9. С. 127.
[66] Там же. С. 128.
[67] Там же. 1870. № 10. С. 834.

дернизации как удачный опыт прошлого и как объективно возможный в настоящем, публицисты журнала не желали его и для того, чтобы избежать такого поворота событий, стремились, существуя в условиях уже начавшейся модернизации догоняющей, где государство выступало авторитарным "командиром", перевести ее на путь модернизации органичной, апеллируя при этом к все тому же государству, что делало их программу своего рода утопией.

**Список литературы**

*Дерлугьян Г.* Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1.

Эксперт. Всемирная история модернизации. 2010. № 1. Спец. вып.

Российский государственный исторический архив. Фонд 776 (Главного управления по делам печати).

Поступила в редакцию
20.01.2010